

ОБЛАКА

12.08.2014

В эфире программа "Облака"...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

У микрофона Ирина Новожилова.

В августе 1942 года в концентрационном лагере Трешлинка были уничтожены 200 воспитанников Варшавского Дома сирот. Вместе с детьми в газовых камерах погибли восемь сотрудников и директор Дома сирот Януш Корчак, один из великих подвижников и героев XX века. Генрих Гольдшмит – Януш Корчак это литературный псевдоним – родился в Варшаве в 1878 году в еврейской семье. Его отец был известным адвокатом. Сын избирает профессию врача. В 25 лет становится знаменитым детским доктором, писателем, автором известных сейчас во всем мире книг о детях и для детей. В 1908 году Януш Корчак принимает решение, которое определяет всю его дальнейшую судьбу. Он отказался от возможности подстроить свою собственную семью, чтобы всего себя посвятить чужим детям, своим воспитанникам. «Сыном своим я выбрал идею служения Ребенку» - написал Корчак 30 лет спустя.

В 1911 году в Варшаве на Крахмольной улице открывается Дом сирот, основателем и бессменным директором которого становится Януш Корчак. Здесь в маленькой комнатке под крышей Корчак прожил без малого 30 лет. В сентябре 1939 года началась Вторая мировая война. Польша была захвачена нацистской Германией. После оккупации Польши нацистами в Варшаве было создано гетто. В 1940 году туда перевели и Дом сирот. Такие гетто создавались нацистами во всех странах, которые были оккупированы Германией. Сюда свозили представителей неполноценных наций, которые подлежали уничтожению. Ввозить в гетто продовольствие было запрещено. Несмотря на чудовищный голод в Доме сирот продолжались занятия. Время детей было наполнено учебой и трудом, старшие заботились о младших. Сотрудники Дома сирот с прежней тщательностью заботились о воспитании и условиях, в которых жили дети. Но мог ли старый доктор не размышлять о том, для какого будущего он воспитывает детей в своем Доме сирот, прививает им хорошие манеры, учит доброте? Для газовой камеры в Трешлинке? Для крематория в Освенциме?

«Какие невыносимые сны!» - записывает Корчак в своем дневнике. – «Мертвые тела маленьких детей. Один ребенок в лохани, другой с содранной кожей в мертвецкой, явно дышит. В самом страшном месте просыпаюсь. Не является ли смерть таким пробуждением в момент, когда, казалось бы, уже нет выхода?»

Дети и смерть. Само сочетание этих двух слов способно привести любого человека в отчаяние. Всю свою жизнь Януш Корчак готовил детей к жизни. После перевода Дома сирот в гетто, перед ним встал вопрос, которого нет и не может быть ни в одном учебнике педагогики – как готовить детей к смерти. Говорить им правду? Или обманывать их?

5 августа 1942 года Дому сирот, детям и воспитателям, было приказано явиться с вещами на Умшлягплац. Так при немцах называлась площадь у Гданьского вокзала. Александр Галич, тщательно изучавший воспоминания и свидетельства очевидцев событий того времени, в поэме, посвященной Янушу Корчаку, так описывает марш Дома сирот по привокзальной площади:

Эшелон уходит ровно в полночь,
Паровоз-балбес пыхтит - Шалом! -
Вдоль перрона строем стала сволочь,
Сволочь провожает эшелон
Эшелон уходит ровно в полночь,
Эшелон уходит прямо в рай,
Как мечтает поскорее сволочь
Донести, что Польша "юдэнфрай".
"Юдэнфрай" Варшава, Познань, Краков,

Весь протекторат из края в край
В черной чертовне паучьих знаков,
Ныне и вовеки - "юдэнфрай"!
А на Умшлягплаце у вокзала
Гетто ждет устало - чей черед,
И гремит последняя осанна
Лаем полиция - "Дом сирот"!
Шевелит губами переводчик,
Глотка пересохла, грудь в тисках,
Но уже поднялся старый Корчак
С девочкою Натей на руках.
Знаменосец, козырек заломом,
Чубчик вьется, словно завитой,
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой.

Два горниста поднимают трубы,
Знаменосец, выпрямил древко,
Детские обветренные губы
Запевают грозно и легко:
Наш славный поход начинается просто,
От Гданьского Мяста до Старого моста,
И дальше, и с песней, построясь по росту,
К варшавским предместьям, по Гданьскому мосту!
По Гданьскому мосту!

И тут кто-то, не выдержав, дал сигнал к отправлению. И эшелон «Варшава-Треблинка» задолго до назначенного часа, случай совершенно невероятный, тронулся в путь...

Вот и кончена песня.
Вот и смолкли трещотки,
Вот и скорчено небо
В переплете решетки.
И державе своей
Под вагонную тряску
Сочиняет король
Угомонную сказку...

Итак, начнем, благословясь...
Лет сто тому назад
В своем дворце неряха-князь
Развел везде такую грязь,
Что был и сам не рад.

И, как-то, очень рассердясь,
Призвал он маляра.
"А не пора ли, - молвил князь, -
Закрасить краской эту грязь?"
Маляр сказал: "Пора,
Давно пора, вельможный князь,
Давным давно пора".

И стала грязно-белой грязь,
И стала грязно-желтой грязь
И стала грязно-синей грязь,
Под кистью маляра.
А потому что грязь есть грязь,
В какой ты цвет ее не крась.

Нет, нестати была эта сказка, нестати,
И молчит моя милая чудо-держава,
А потом неожиданно голосом Нати
Невпопад говорит: "До свиданья, Варшава!"
И тогда, как стучат колотушкой о шпалы,
Застучали сердца колотушкой по шпалам,
Загудели сердца: "Мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!"
По вагонам, подобно лесному пожару,
Из вагона в вагон, от состава к составу,
Как присяга гремит: "Мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!"
Пусть мы дымом истаем над адовым пеклом,
Пусть тела превратятся в горючую лаву,
Но дождем, но травой, но ветром, но пеплом,
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!"

Оккупационные власти сделали все возможное для морального подавления своих будущих жертв. В обреченном на уничтожение Варшавском гетто работали рестораны и устраивались конкурсы красоты, была своя мафия, которая наживалась на торговле с жителями прилегающих к гетто польских кварталов. Освобождение из гетто можно было купить.

За порядком в гетто следила внутренняя полиция, набранная тоже из обитателей гетто. Руками полицейских варшавского гетто отбирались и люди для отправки в концлагерь уничтожения Трешлинка. Колонны в несколько тысяч обреченных на смерть людей успешно конвоировали несколько эсэсовцев. Население гетто умирало: от голода, от болезней, от чувства безысходности и страха, от человеческой подлости.

Летом 43-го года в Варшавском гетто вспыхнуло восстание. В течение нескольких месяцев практически безоружные люди противостояли танкам, артиллерии, регулярным частям вермахта и СС. Восстание в варшавском гетто - одна из самых трагических и одновременно героических страниц истории сопротивления нацизму. Что же дало людям силы для того, чтобы очнуться, чтобы начать подготовку восстания? Историки говорят разное, но одно обстоятельство не выпускает из виду никто. Душой сопротивления были дети. Дети первыми перестали бояться. Первыми стали воровать и нападать на магазины соплеменников-кровопийц. Стали кормить себя и умирающих от голода родителей. Дети стали вести себя так, что родителям стало стыдно. Дети начали Сопротивление.

После отправки Дома сирот в Трешлинку в Польше долго не верили в смерть детей Корчака. "Они живы», - говорили люди. «И старый доктор, и дети - живы. Их не взял огонь - отступился. Дети живы. И пан Доктор жив. Ходят по селам. Где добрый человек живет - они в дверь постучат. А если злой живет – пройдут мимо."

И еще один отрывок из поэмы Александра Галича - песенка девочки Нати, про кораблик. Это Натю нес на руках Януш Корчак в последнем марше Дома сирот по перрону Гданьского вокзала. После тяжелой болезни девочка не могла ходить. Натя хорошо рисовала, сочиняла песни. Песенка про кораблик одна из них.

Я кораблик клеила
Из цветной бумаги,
Из коры и клевера,
С клевером на флаге.
Он зеленый, розовый,
Он в смолистых каплях,
Клеверный, березовый,
Славный мой кораблик, славный мой кораблик.
А когда забулькают ручейки весенние,
Дальнею дорогою, синевой морской,
Поплывет кораблик мой к острову Спасения,
Где ни войн, ни выстрелов, - солнце и покой.
Я кораблик ладила,

Пела, словно зяблик,
Зря я время тратила
Сгинул мой кораблик.
Не в грозном отблеске,
В буре, урагане -
Просто при обыске
Смяли сапогами...
Смяли сапогами...

Но когда забулькают ручейки весенние,
В облаках приветственно протрубит журавлик,
К солнечному берегу, к острову Спасения
Чей-то обязательно доплывет кораблик!

Вы слушали программу "Облака".

Всем привет.